

Сы Жун уставился на мрачный подоконник. Его взгляд был пуст, в голове — абсолютная пустота, словно он стал слепцом, чью душу похитили.

Потрёпанные занавески в медпункте тихо колыхались от сквозняка, старый вентилятор издавал жалобный скрип, а в разреженном воздухе ни с того ни с сего повеяло холодом.

— Мне вдруг показалось... — Сы Жун повёл глазами, похожими на янтарь.

— Что именно тебе показалось?

Сы Жун, опираясь на руки, приподнялся с кровати. Широкий воротник сполз, обнажая изящные, словно присыпанные инеем ключицы. Он почувствовал странное покалывание, будто кожу слегка царапали иголками.

Опустив взгляд, он твёрдо ответил:

— Мне показалось, что я только что был мертвецом.

— ...

0528 уже не в первый раз слышало от Сы Жуна подобные странные вещи, поэтому отреагировало спокойно.

— Ты слышишь? — спросил Сы Жун.

— Раз, два, три, играем в дочки-матери.

Ты папа, она мама.

Сестрёнка проголодалась, ищет маму,

А мамы дома нет...

Из динамиков вдалеке внезапно зазвучала резкая, пронзительная детская песенка. Шумная толпа учеников, только что вышедших с вечерних занятий, словно вмиг испарилась. Кампус опустел, а в воздухе разлился странный запах.

Сы Жуна внезапно осенило: этот затхлый аромат был знаком ему по заброшенным могилам в горных деревушках.

— Сейчас же, немедленно возвращайся в общежитие! — прозвучал голос в голове. — Осталось меньше пяти минут, двери скоро закроют.

Сы Жун был не из робкого десятка. Он медленно поморщился и безразлично отозвался:

— Закроют — попрошу коменданта открыть. У меня руки болят, ноги гудят, я не могу идти быстрее.

— Когда эта песня закончится, те, кто не успел войти в мужское общежитие, умрут самой жуткой смертью. Ты хочешь стать мумией, Сы Жун?

— А раньше нельзя было сказать? — пробормотал Сы Жун. Он кое-как натянул носки и обувь, на ходу бросив взгляд на подоконник.

Казалось, оттуда всё это время кто-то наблюдал за ним. Незнакомец в чёрной маске и бейсболке — в ночной мгле его фигура и черты лица сливались в неясный силуэт. В тот самый миг, когда их взгляды встретились, человек сделал нечто крайне непристойное.

Его длинные сильные пальцы опустились к бедру, зрачки отражали бледное, с лёгким румянцем лицо Сы Жуна и его розоватые губы, а затем он не таясь, прямо и дерзко, сделал движение тазом — раз, другой.

— Четыре, пять, шесть, куколка.

Маленькие ручки, маленькие ножки.

Сестрёнка сломала куколку,

Плачет и зовёт папу...

Сы Жун прибежал к мужскому общежитию буквально в последнюю секунду. В корпусе не было привычного шума и перебранок — лишь тусклые настенные лампы слабо освещали углы коридоров, пропитанных могильным холодом.

Задыхаясь, он вцепился в перила и, не теряя ни мгновения, бросился в свою комнату. Его тонкая спина покрылась испариной.

Яркий свет ламп согрел его, успокаивая бешено колотящееся сердце. Сы Жун упёрся руками в колени, согнувшись у двери.

Он окинул комнату взглядом: в отличие от обычных студенческих спален, здесь было на

удивление чисто и прибрано, хотя это совсем не походило на его собственный стиль. Каждый уголок был пропитан агрессивной мужской энергией.

— Почему так сильно задыхаешься?

Сы Жун поднял голову на низкий голос и слегка напрягся. Должно быть, это и есть тот самый сосед, который его терпеть не может.

Спортсмен, как и ожидалось: рельефные мышцы пресса едва не разрывали облегающую футболку, смуглая кожа излучала уверенность, а чёрные волосы, только что после душа, были небрежно зачёсаны назад, открывая мужественные черты лица.

Сы Жун уловил в его голосе холод, это была не просто насмешка. Он не хотел нарываться на неприятности, поэтому, пересохшими губами коснувшись края рта, сухо ответил:

— Не твоё дело.

После бега и подъёма по лестнице, словно за ним гнались, его белоснежные щеки порозовели, а нежный кончик языка скользнул по пухлым губам, оставляя влажный след. Видимо, от жары он то и дело высовывал кончик языка, пытаясь охладиться.

Фэн Бай, глядя на него, почувствовал необъяснимое раздражение. Он подошёл к своему столу, прикрыв веки:

— В школе нет свободных мест, чтобы тебя переселить. Делай что хочешь снаружи, но, пока ты в комнате, не приноси свои дела сюда. Мне до них нет дела.

Сы Жун коротко буркнул в ответ, показывая, что услышал. Сегодня он был слишком утомлён, поэтому, переставляя ноги, повалился на свою кровать.

Быть угрюмым и молчаливым персонажем — задача не из лёгких, ведь в прошлой жизни он был болтуном, родился болтуном и, видимо, был обречён им оставаться; даже в одиночестве он мог часами что-то бубнить себе под нос.

Фэн Бай не слышал привычной реакции. Обычно после таких колкостей Сы Жун тут же огрызался, смотрел на него своим безжизненным взглядом, а потом замолкал, хотя в глубине его глаз скрывалась тьма.

В голове Фэн Бая почему-то всплыл тот влажный кончик языка. Было ли это игрой воображения, или в глазах Сы Жуна действительно появилось больше невинности? Он выглядел чистым, как родниковая вода.

Может, это какой-то новый способ соблазнения?

Фэн Бай не придавал этому значения, лишь бросил ещё пару взглядов. Через некоторое время, видя, что Сы Жун не собирается вставать, он подошёл к нему.

Одной рукой он ухватил его за воротник и, как щенка, приподнял с кровати — движение было лёгким.

От рывка на форме расстегнулись две пуговицы, и сверху открылся вид на нежную белую кожу, две розовые точки и мягкий живот без единой лишней складки.

Сы Жун, проснувшись, приоткрыл влажные глаза. Он подремал всего несколько минут, и теперь, когда его грубо подняли, даже веки были розоватыми. Он приоткрыл губы:

— Ты с ума сошёл или я?

Фэн Бай на пару секунд замер и смущённо отвернулся к стене:

— Умылся?

— Ещё нет, — Сы Жун смотрел прямо на него, его голос звучал серьёзно. Он терпеть не мог, когда его будят, и на его миловидном личике читалось лёгкое раздражение.

Фэн Бай понял, что вопрос был неуместным, и смягчил тон:

— Жарко. Нужно мыться каждый день, так будет приятнее.

Сы Жун, всё ещё злясь, решил поспорить:

— А если я не хочу?

Фэн Бай пришёл в себя, отпустил ткань его одежды и, глядя в глаза Сы Жуну, низко произнёс:

— Я могу помочь тебе помыться.

Когда Фэн Бай отошёл, Сы Жун медленно поднялся, собрал вещи и, сменив тапочки, пошёл в душ.

Не то чтобы он боялся Фэн Бая, просто хороший парень не связывается с хулиганами. Так он объяснил это 0528.

Но 0528 в этот раз не стало с ним болтать.

— Сы Жун, детская песня ещё не закончилась. Будь осторожен сегодня.

Эти слова, как острый клинок, зависли над его головой. С самого момента, как он вошёл в ванную, они не давали ему покоя. Он наспех помылся и оделся, даже не смыв толком пену. В спешке Сы Жун споткнулся о собственную ногу и посмотрел вниз.

На ладони было липкое пятно крови. Его охватил ужас — это была не его кровь.

— Семь, восемь, девять, едим крендельки.

Папа починил куколку.

Мама вернулась, ткёт шерстяной кафтан,

Вся семья счастлива...

В тесной ванной снова зазвучала скорбная мелодия. Звонкий смех маленькой девочки стал громче, проникая в каждый нерв.

Сы Жун изо всех сил выскочил из ванной. Он мечтал лишь об одном — увидеть раздражённое лицо Фэн Бая.

— Фэн Бай!

<http://bllate.org/book/20943/2123118>